

Природа семантических сдвигов в области базовой лексики: попытка систематизации

В настоящей работе представлена классификация, описывающая дальнейшую судьбу вытесненных элементов списка базовой лексики (под которой в данном случае понимается расширенный, 207-словный список М. Сводеша) в рамках микросемьи или отдельного языка. В ходе работы было выделено четыре основных сценария семантического развития вытесненной лексики: (1) полное «вымывание» лексемы из языка (группы языков); (2) сохранение лексемы в производных образованиях или паронимах и т. п. с сохранением исходной семантики; (3) сохранение лексемы с утратой ею статуса базовой и переходом в область поэтизмов или возвышенной лексики с сохранением исходной семантики; (4) изменение исходной семантики. Последний, наиболее интересный, случай также можно разделить на несколько подтипов: (4.1) относительно редкий случай — замена лексемы в рамках самой базовой лексики, в ходе которого лексема не вымывается из состава базовых, но при этом меняет значение; (4.2) утрата самой лексемы, но сохранение основы в разнообразных деривационных реализациях; (4.3) вытеснение лексемы в область семантической периферии с сужением поля; (4.4) появление в языке нового концепта-семантемы и соответствующей новой оппозиции в рамках парасинонимии; (4.5) утрата лексемой статуса базовой (или переход на новую позицию) с сохранением самой основы, но с наличием дополнительной морфологической деривации. Исследование выполнено в основном на материале индоевропейских языков, однако разработанная в нем методика может представляться перспективной для аналогичных исследований на другом языковом материале.

Ключевые слова: базовая лексика; семантические переходы; лексические замены; семантическое поле; реконструкция; морфологическая деривация.

Законы глоттохронологии, согласно которым за определенный отрезок времени из базового лексикона любого языка происходит определенное число словарных замен¹, позволяют определить глубину распада семьи и степень родства двух отдельно взятых ее представителей. Но эти же законы имеют и другой аспект: течение времени делает неизбежным вымывание базовой лексики и замену, либо — полную утрату, набора концептуальных единиц в плане выражения. Собственно мотивация подобных замен скорее изучена в частностях. Она может быть вызвана как социальными, так и религиозными причинами, либо табуированием лексемы в связи с возникающими коннотациями (например ‘яйцо’ → ‘тестикулы’). Определенную роль играет и степень стойкости лексемы для каждой семьи, исследованная С. А. Старостиным (см. Старостин 2007). Как пишут

¹ Исходная точка зрения самого М. Сводеша, согласно которой за 1000 лет должно произойти 14 лексических замен из базового лексического ядра, в настоящее время не поддерживается даже сторонниками классической глоттохронологии (см. Starostin 1999; Blažek 2007; Старостин 2015: 163–166), что в целом скорее не меняет основной идеи о неизбежности семантических сдвигов.

критики теории глоттохронологии, «иногда лексические замены проходят волнообразно, в результате чего их скорость различна в зависимости от истории собственно языка в разные периоды» (Pereltsvaig & Lewis 2015: 94). Отчасти это, наверное, действительно так, однако принятие усредненных подсчетов с неизбежностью демонстрирует, что, подчиняясь какому-то мистическому «категорическому императиву», язык находится в состоянии перманентной лексической эволюции.

В центре исследования в нашем случае находится не мотивация замен и даже не поиск типологических сближений исходной семантики новой лексики, что само по себе, безусловно, представляет интерес. Так, например, полная утрата и.-е. обозначений огня в латинском при переходе к романским языкам дала в синхронии колексификацию 'очаг' → 'огонь': ср. лат. *focus* при франц. *feu*, итал. *fuoco*, рум. *foс*, исп. *fuego* (ср. также англ. *fuel* 'топливо', от старофр. *fowaille*, *feuaille* < нар. лат. *focālia*, ср. р. мн. ч. от *focālis* 'очаговый', от которого также англ. *focal* 'очаговый', восходящее в свою очередь, к лат. *focus*). Аналогичная колексификация, судя по данным базы DatSemShift, наблюдается еще в шести неродственных языках (хани, клингонском, маркизском, словенском, туканском и вичи)².

В германских языках сохранилось и.-е. обозначение огня, некогда принадлежавшее к инактивному классу («одомашненный» огонь), **péh2ur*: др.-англ. *fȳr* (англ. *fire*), др.-в.-нем. *fiur* (нем. *Feuer*), др.-исл. *fýrr* (поэт.), *fúrr* (поэт.), *funi*, гот. *fon* (ср. греч. πῦρ 'огонь' (от которого πυρά 'очаг' > лат. *pyra*, к которому англ. *pyre* 'погребальный костер'); также ср. др.-в.-нем. *funcho* (нем. *Funke*), ср.-англ. *fonke* 'искра' (Lehmann 1986: 120; Mallory & Adams 2006: 123). Однако впоследствии в скандинавском ареале оно, как правило, оказалось потеснено продолжениями общегерм. **ailida-* (к и.-е. **h2eidh-lo-*): исл., фарер. *eldur*, шв., новонорв. *eld*, дат. *ild* (ср. др.-англ. *ǣled* 'огонь, пожар', к *ǣlan* 'гореть'; Kroonen 2013: 11). В свою очередь, общегерм. **ailida-* восходит к общегерм. **aida-* 'костер' (др.-англ. *ād* 'погребальный костер, огонь', др.-в.-нем. *eit* 'очаг, погребальный костер', ср.-в.-нем. *eit* 'огонь, печь', *ibid.*: 8), от и.-е. **h2eidh-* 'жечь' (ср. др.-ирл. *áed* 'огонь', лат. *aedēs* 'храм'; Mallory & Adams 2006: 124).

Аналогичным образом «традиционные» и.-е. обозначения огня оказываются утраченными и в кельтских языках, причем все они замещены словом с достаточно прозрачной этимологией и общим значением 'дающий тепло' или 'теплый', 'жаркий'. Сопоставление гойдельских и бриттских языков, в которых представлена одна и та же основа, заставляет предположить, что это замещение произошло еще в период кельтской общности. Механизм замещения безусловно является таким же, который отмечен для романских языков. Причины данного замещения могут быть объяснены реально засвидетельствованным культом огня у континентальных кельтов, в первую очередь — в Галлии, где обозначение собственно огня оказалось табуированным.

В древнеирландском базовым словом для 'огня' является *tene*, которое с этимологической точки зрения проблемы не составляет. Еще Ж. Вандриес вслед за Ю. Покорным однозначно возводил его к и.-е. основе **tep-* 'жар, тепло', откуда также авест. *tafno* 'жар', норв. *teva* 'отдуваться, пыхтеть от жары', др.-инд. *tápati* 'является, пребывает теплым; сжигает; разогревает; кается; мучит', при *tapant-* 'жаркий', лат. *tepeō* 'являюсь теплым', *tepidus* 'теплый' (LEIA T-U: 50; IEW: 1069–1070). Аналогичную деривацию см. в бриттских языках: валл. *tân*, брет., корн. *tan*. Различия в бриттском и гойдельском вокализме объяснялись вариативностью форм в протокельтском. Ср. у Моррис-Джоунза — Ir. *tene* < **tepnet*, W. *tan* < **tep-n* (Morris-Jones 1913: 124). Ж. Вандриес также предполагал, что в бриттском и гойдельском фигурируют разные продолжения и.-е. основы (но не корня!), разошедшиеся уже на протокельтском уровне. Для бриттских основ он предполагал

² Семантический переход № 3082 (DatSemShift — <https://datsemshift.ru>, дата обращения — 15.10.2024).

праоснову **tepnos* (и, более того, высказывал предположение о существовании ее рефлексов и в гойдельском в форме *ten*, сохранившемся только как вариант датива — *tein*), а для гойдельских — **tepnēt-* (LEIA T-U: 50). Отметим также, что в ранних текстах встречается также форма *tain*, *tainid* с другим вокализмом (DIL-T-1: 115), что в целом укладывается в предложенную еще В. Стоуксом гипотезу о сосуществовании в протокельтском двух основ — **tap-n-os* и **tep-n-et-* (видимо, со значениями ‘жаркий, теплый’ и ‘дающий тепло, согревающий’ соответственно), давших разные рефлексы в гойдельском и бриттском (Stokes 1900). Можно предположить существование первой основы также и в гойдельском (в дальнейшем она слилась с продолжениями второй основы, см. LEIA T-U: 50). Для прото-гойдельского К. МакКон реконструирует для номинатива форму **ten-ēs > te(i)ne*, а для генитива — **ten-et-os > teinid* (McCone 1994: 112). В континентальном кельтском (галльские диалекты) фиксируется та же основа (с деривацией), в основном в NP с основным значением ‘тепло’; см. приведенные примеры в словаре Деламара: *Con-tessos*, *Tedsi-cnati*, *Seno-teno*, *Carnu-tenus* (Delamarre 2003: 294). Различие в вокализме предполагает, что общекельтская форма для обозначения огня не реконструируется и процессы в данном случае проходили в разных ветвях параллельно (ср., однако, форму **tefnēt (< *tepnēs)* в Matasović 2009: 375, см. также Widmer 1997).

В качестве предположительного продолжения и.-е. обозначения огня **h₂n₂g^{wn}-is* может рассматриваться др.-ирл. интенсификатор *án*. В «Словаре ирландского языка» ему даются следующие эквиваленты — ‘яркий, блестящий; гневный; великолепный, благородный, достойный, славный, знаменитый’ (DIL A-2: 314–315). Как полагают составители «Словаря», исходным значением данного прилагательного было ‘яркий, блестящий’, все же остальные развились у него позднее метафорически. Прилагательное *án* глоссируется латинским *ardens* (‘пылающий, яркий, жаркий, горячий, блестящий и проч.’), выступает в качестве второго элемента в сложном цветообозначении *ruad-án* с общей семантикой ‘ярко-красный, пылающий’, а также является частым эпитетом при слове ‘солнце’ (*in grían án*). Сказанное, как кажется, заставляет предположить, что у др.-ирл. *án* исходная семантика была чем-то вроде ‘огневой’, ‘пламенный’, откуда затем развились значения типа ‘яркий’, ‘великолепный’³. К аналогичному выводу приходит и Ж. Вандриес, который в «Этимологическом словаре ирландского языка» пишет, что «его исходным значением было ‘пламенный’» (LEIA A: 72). При этом он в качестве дополнительного аргумента отмечает регулярное сочетание *án-breo* ‘пламе-огнь’ (?), в основном — в метафорическом значении в текстах скорее религиозного характера.

Прилагательное *án* и его дериваты послужили в свое время объектом для специального исследования Т. О’Рахилли, который, проанализировав максимально возможное число случаев его употребления, пришел к выводу, что сама лексема несомненно связана с солярной тематикой. Однако, как он полагал, древнеирландское прилагательное *án* и производное от него имя богини *Áine* восходят не к понятию ‘блеск, сверкание, огонь’, а «к протокельтскому корню **iā*, расширенному и.-е. **ei*, обозначающему движение /.../ Исходным значением для данной основы, таким образом, оказывается ‘движущийся’, что является логичным эпитетом для обозначения солнца» (O’Rahilly 1976: 294). Естественно, как мы понимаем, в данном случае для него важным отправным пунктом было предполагаемое (!) наличие у *án* значений ‘сверкающий’ и ‘быстрый’. Заключительным выводом Т. О’Рахилли является мысль, что «ирландское *án* идентично, формально и семантически, латинскому *Jānus*» (O’Rahilly 1976: 299).

³ См. переход № 3801 fire → very в базе семантических переходов DatSemShift; представлен ирландской, русской (огонь как интенсификатор) и коми (би) реализациями.

В «Этимологическом словаре кельтских теонимов» В. П. Калыгина имя богини *Aine* в качестве исходной семантики имеет ‘блеск, сияние’. При этом, как отмечает автор, «теоретически ничто не препятствует сблизить (имя богини) с др.-инд. теонимом *Agnī*, букв. ‘огонь’» (Калыгин 2006: 19). Итак, как мы видим, предлагаемая разными исследователями этимология *ain* часто оказывается в прямой зависимости от того, какая семантика принимается в качестве исходной. Нам все же кажется, что идея ‘блеска, огня’ просматривается с наибольшей отчетливостью. Поэтому мы находим возможным принять идею, что *ain* восходит к и.-е. обозначению «активного» огня. Отметим, что данное предположение высказывалось еще В. Стоуксом, который в примечаниях к «Мартирологу Энгуса» указывал, что *ain* восходит к **agno-* и соотносится с др.-инд. *agnī* (Stokes 1905: 297).

Все эти рассуждения об обозначениях «огня» в романских, германских и кельтских языках можно считать наглядным введением к собственно исследованию: определению и классификации дальнейшей судьбы лексем, которые по той или иной причине были вытеснены из состава базовой лексики и заменены. Естественно, работа носит характер фрагментарный, но репрезентативный, что позволяет сделать ряд типологических обобщений.

Предположительно, можно выделить четыре сценария семантического развития вытесненной лексики.

1. **Полное «вымывание» лексемы из языка** (группы языков). Пример — утрата рефлексов и.-е. обозначения «глаза» **okʷs* в островных кельтских языках. Рефлекс и.-е. основы предположительно фиксируется в галльском (табличка из Шамальер) *exops* ‘слепой’, что может быть калькой с незафиксированной лат. формы **ab-oculus*, давшей франц. *aveugle*. В островных кельтских языках продолжения и.-е. основы предположительно могли сохраниться в обозначении ‘лица’: ср. др.-ирл. *enech*, брет. *ener* из кельтского **en-ikʷā* (Hamr 1973: 68). В гойдельском обозначения глаза являются продолжениями и.-е. основы для «солнца» (др.-ирл. *súil*), тогда как в бриттском параллельно развились такие формы как валл. *llygad*, брет. *lagad*, ср.-корн. *lagas*, к и.-е. **leuk-* ‘блеск’ (интерпретацию корнского и бретонского вокализма см. в Schrijver 1995: 166).

В современном ирландском полностью утрачены продолжения и.-е. основы для обозначения ‘зуба’ **h₁dont-*, сохранившиеся в бриттских языках, ср. валл. *dant*, брет. *dant*, ср.-корн. *dans* (см. Matasović 2009: 90). Вытеснение лексемы в гойдельском (ирландском и шотландском) произошло уже в исторический период. В среднеирландских текстах еще наблюдаются флуктуации при описаниях персонажей: белые ровные зубы красавиц называются *dét*, тогда как темные и кривые зубы уродливых персонажей называются *fiacail*, др.-ирл. *fec-* ‘копать’, т. е. зубы называются ‘лопатами’ (см. подробнее в работе Mikhailova 2021a). Учитывая поздний характер замены, кажется странным, что старое название не оставило в современном языке вообще никаких следов.

И.-е. обозначение ‘зуба’ также бесследно было вытеснено в славянских языках, однако в данном случае замена произошла, видимо, еще на общеславянском уровне: общеслав. **zobъ* к и.-е. **g_ʷombhos*, от **g_ʷembh-* ‘кусать, жалить’ (IEW: 369).

И.-е. обозначение мяса как употребляемого в пищу продукта, «нейтрального по отношению к признаку ‘вареный’, ‘несырой’ ~ ‘невареный’, ‘сырой’» (Гамкрелидзе & Иванов 1984: 698) **mē(m)s* (ср. др.-инд. *māmsá-*, арм. *mis*, лит. *mėsà*, рус. *мясо*, а также лат. *membrum* ‘кусочек мяса’ → ‘часть тела’, к **mēms-ro-*), из всех германских языков представлено только в гот. *mimz*, причем в единственном контексте: *duþþe jabai mats gamarzeiþ broþar, ni matja mimz aiw, ei ni gamarzjau broþar meinana*⁴ — «и потому, если пища соблазняет

⁴ Здесь и далее цитаты из готских памятников приведены по Snædal 1998.

брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего» (1 Кор 8:13). Отметим, впрочем, что данная лексема сохранилась в крымско-готской форме *menis* (Lehmann 1986: 256), что может косвенно указывать на ее более широкое распространение в качестве основного обозначения мяса за пределами письменных памятников. В остальных германских языках мы находим разного рода лексические замены (о готско-скандинавском ареале см. Starostin 2016: 36). Так, основное обозначение мяса *meat* в английском языке — результат сужения начиная с XIV в. значения др.-англ., ср.-англ. *mete* ‘пища’ (ср. также др.-исл. *matr*, исл. *matur*, шв. *mat*, др.-фриз. *mete*, др.-сакс. *meti*, др.-в.-нем. *maz*, гот. *mats* ‘пища’, вероятно, к и.-е. **mad-* ‘становиться влажным/жирным’; Lehmann 1986: 247; Mallory & Adams 2006: 346; но иначе ср. Kroonen 2013: 358). При этом старое значение ‘пища’ удерживается в английском языке достаточно долго; так, еще в 1775 году Сэмюэл Джонсон пишет в своих заметках о путешествии в Шотландию: *Our guides told us, that the horses could not travel all day without rest or meat* (OED; ср. также такие выражения, как *green-meat* ‘зелень’, *whitemeat* ‘молочные продукты’). В прочих современных западногерманских языках в качестве обозначения мяса используются продолжения общегерм. **flaiski*: нем. *Fleisch*, нид. *vlees* ‘мясо’; ср. также исл. *flesk*, шв. *fläsk* и т. п. ‘свинина, бекон’. Отметим, что в английском значение данной лексемы развивалось иначе: др.-англ. *flāsc* ‘мясо, плоть’ → *flesh* ‘плоть’ (согласно OED, старое значение ‘мясо’ отчасти удерживается в северных диалектах). Наконец, в скандинавском ареале мы находим свое обозначение мяса — **ketwa*: др.-исл., исл. *kjöt*, шв. *kött*, дат. *kød*, новонорв. *kjøt*; скандинавское происхождение имеет и ср.-англ. *ket* ‘сырое мясо’ (MED) → ‘падаль’ (диалектизм, см. OED).

На самом деле случаи полного вымывания лексемы из словаря языка (группы языков) на уровне исторически засвидетельствованных диахронических данных скорее редки. На уровне реконструкции, которая мысленно охватывает огромные периоды времени, примеры полной утраты основы, считающейся исходной, встречаются достаточно часто; например, утрата исходного и.-е. обозначения «птицы» **h₁ewei-* (согласно Mallory & Adams 2006: 143) во многих группах языков. Но чаще мы имеем дело с другой ситуацией:

2. сохранение лексемы в производных образованиях, либо — паронимах и пр. с сохранением исходной семантики.

Ср., например, рус. *глаз*, при *очки*, *очевидный*; рус. *рот* при *устный*, *устье*; сербо-хорв. *шума* ‘лес’ при *лешник* ‘лесной орех’; сербо-хорв. *коса* ‘волосы’ при *власуля* ‘парик’; замена общеслав. *великий* русским *большой* при сохранении лексемы в пословицах типа «не велика беда»; ср. также *великан*, *величина*; замена общегерм. **rando-* ‘кора’ на **birko-* при англ. *rind* ‘корочка на хлебе, кожура на некоторых фруктах’; утрата и.-е. обозначения ‘матери’ в бриттских языках, но сохранение ее в *modreped* ‘материнский’, аналогичным образом — утрата в валлийском и.-е. обозначения женщины (замена на *gwarch* ‘мужня»), но сохранение в *benywol* ‘женский’. Ср. также франц. *cheval* ‘лошадь’ при *écurie* ‘конюшня’ (см. Hatzfeld & Darmesteter 1964: 947). Ср. также утрату в ирл. *dobur* ‘вода’, но ее сохранение в ср.-ирл. *dobhrán* ‘выдра’ (на современном срезе — диалектизм), причем ср. также замену обозначения выдры *dobur-chú* ‘собака воды’ — *madra uisge id.*, демонстрирующую не только замены в базовой лексике, но и изменения в формировании именной группы с адъективной семантикой.

Ср. также *красный* как базовое цветообозначение в русском в настоящее время, но *зардеться* ‘покраснеть’ (к. и.-е. **h₁reud-*).

3. Сохранение лексемы с утратой ею статуса базовой и переходом в область поэтизмов или возвышенной (или обценной) лексики с сохранением исходной семантики.

Ср., например, рус. *око* при базовом *глаз*, ирл. *cú* ‘пес’ при базовом *madra* ‘собака’ (ср. аналогичная дихотомия в рус. *пес* — *собака*) и пр. Ср. также серб. *куча* ‘дождь’ при *дажъ* — архаизм и поэтизм. Сюда же — рус. *уста* и *очи*, которые уже фигурировали в предыдущей группе сематических сдвигов. Ср. также *десница* как ‘правая рука’: архаизм, скорее всего уже не прозрачный для носителей языка. Ср. также топонимы и гидронимы (*Десна* как правый приток). Необходимо отметить, что наряду со значением ‘правая рука’ и.-е. **deks-* имеет (получает? сохраняет?) в отдельных регионах также значения ‘ловкий, умелый; благоприятный’ и ‘южный’. Все три значения представлены у данной лексемы лишь в Индии и в Ирландии, в южнославянских языках и в литовском отсутствует значение ‘ловкий, умелый’, которое, напротив, оказывается единственным, сохранившимся в испанском, тогда как значение ‘правый’ у исп. *diestro* встречается лишь в книжной речи (ср. также катал. *destre*, франц. *destre* и др.-рус. *десница*, понятные многим носителям языка, но ограниченные в употреблении). Англ. *dexterous* в этой связи нельзя рассматривать как сохранение одного из значений и.-е. корня, как это имеет место в испанском, так как эта лексема впервые была зафиксирована в английском лишь в XVI в. и, судя по контексту, относится к многочисленным французским заимствованиям.

Ср. также обозначение ‘уха’ в ирландском: др.-ирл. *au*, *ō* в среднеирландский период было заменено лексемой *clūas*, также кельтского происхождения — к глаголу ‘слышать’. Как пишет Ж. Вандриес, «старая лексема сохранилась только в поэтическом языке и возвышенной речи» (LEIA A: 102); составители «Словаря ирландского языка» также отмечают сохранность лексемы «в героической литературе» (Joynt 1941: 79).

Аналогичным образом как «редкое слово» в «Словаре ирландского языка» (Joynt 1939: 31) квалифицируется др.-ирл. *maig(n)e* ‘большой, великий’, восходящее к и.-е. основе **mag-* и в гойдельском вытесненное общекельтск. *mār* id. Лексема представлялась редкой уже в среднеирландский период и глоссировалась — *maige .i. mār*. Ср. также галльские данные в NP-композициях: *Magio-rix* ‘Великий король’, *Magio-uindi* (gen.) ‘Велико⁵-светлый’ (см. Delamarre 2003: 213).

Интересна в данном контексте судьба и.-е. обозначения женщины **g^wénh₂* (ср. др.-инд. *jāni-* ‘жена, женщина’, арм. *kin*, др.-ирл. *ben* ‘женщина, жена’, рус. *жена*; также ср. греч. *γυνή* ‘женщина’) в германских языках — прежде всего, английском. Так, к общегерм. **kwenōn-* восходят др.-англ. *swene* ‘женщина’, др.-сакс. *quena*, др.-в.-нем. *quena*, др.-исл. *kona* ‘женщина, жена’, гот. *qino* ‘женщина’. Однако уже др.-англ. *swene* начинает развивать пейоративные коннотации; ср. у Вульфстана в проповеди *Sermo Lupi ad Anglos: Pæt... ane swenan getænrit seape bicgað... and wið þa ane fylpe adreogað* (OED) — «Что одну женщину (= девку) вскладчину покупают... и с ней непотребством занимаются». В среднеанглийском эти коннотации усиливаются (ср. у Чосера: *Hastow with som quene al nyght yswonke?* (MED) — «Ты с какой-то девкой всю ночь развлекался?»), и к XVI в. лексема становится обценной: *quean* (арх.) ‘проститутка, шлюха’ (Kochman-Haľadyj 2007). Примечательно, что в германских языках представлен и другой вариант данной основы, **kwēni-*, продолжения которого дают пример иного развития (сужение ‘женщина’ → ‘жена’ и переход в область социальной терминологии): др.-англ. *swēn* ‘жена (возвыш.), королева’ (англ. *queen*), др.-сакс. *qiān* ‘женщина благородного происхождения’, др.-исл. *kván, kvæn* ‘жена (возвыш.), королева’, гот. *qens* ‘жена’. Оба варианта обыгрывает Байрон, сводя их вместе в следую-

⁵ Видимо, как интенсификатор.

щих строках: *This martial scold, This modern Amazon and queen of queans* (*Don Juan*, VI, XCVI; цит. по OED). В целом же, в западногерманском ареале обозначение женщины обновляется: а) к **wība* (неясной этимологии, см. Kroonen 2013: 584): др.-англ. *wif* ‘женщина, жена’ (англ. *wife*), от которого — др.-англ. *wif-mann* ‘женщина’ (англ. *woman*); ср. также др.-исл., исл. *víf* (поэт.) ‘женщина, жена’, др.-в.-нем. *wīb* ‘женщина, жена’ (нем. *Weib* (арх.) ‘женщина, жена’); б) к **frawjōn* ‘госпожа’ (Orel 2003: 112): др.-исл., исл. *frú* ‘госпожа’, др.-сакс. *frūa*, ср.-н.-нем. *frūwe*, ср.-в.-нем. *vrouwe* ‘госпожа’ > нем. *Frau*, нид. *vrouw* ‘женщина, жена’.

Примеров подобного рода достаточно много, и это вполне логично, поскольку лексема, даже утратившая статус базовой, вряд ли исчезает из языка моментально. Интересно при этом, что, если для современных языков сейчас есть возможность отследить все перемещения и перераспределение семантики внутри поля лексемы, то по отношению к языкам древним и плохо засвидетельствованным, таким, как, например, галльский, мы можем только гадать, как именно поэтапно проходила в нем утрата, например, и.-е. лексем для глаза (зафиксированная лишь в одной надписи — ‘слепой’) или огня.

Другое дело — народная латынь и средневековая латынь, которая отчасти служит параллельным источником для формирования лексического состава романских языков; в ней, например, лексема *ignis* встречается часто, откуда производные лексемы: лат. *igneus* — фр. *igné*, ит., исп., порт. *igneo*, а также заимствованное англ. *igneous* ‘огненный’ (впервые зафиксировано в XVII в. (OED)), как и разнообразные варианты, ставшие впоследствии архаизмами, как-то: *igneal*, *ignean*, *ignic*)⁶.

При этом, что также вполне логично, группы 2 и 3 в плане выражения могут пересекаться. Ср. приведенные выше примеры: *уста* и *очи*, а также *устный* и *очевидный*. Для нас важно в данном случае, что замены и ограничения языковых кодов, как и сохранение лексем в составе производных слов или в паронимах не сопровождаются изменениями собственно исходной семантики, хотя ее сужение отчасти может быть засвидетельствовано.

4. Сохранение лексемы с утратой ею статуса базовой с (частичным) изменением исходной семантики.

Другая группа семантических сдвигов безусловно нуждается в серьезном типологическом осмыслении. Мы имеем в виду случаи, в ходе которых лексема из базового списка уступает место какой-то другой, но сама при этом, сохраняясь в языке, меняет значение. Означает ли это, что это новое значение уже изначально присутствует в языке в плане содержания, хотя в плане выражения воплощается в одной и той же лексеме? Не все семантические изменения носят, как можно было бы предположить, характер как бы эволюционный, т. е. свидетельствуют о расширении и нюансировании семантики.

В данной группе можно в свою очередь выделить несколько случаев:

4.1. Случай — относительно редкий — замены в рамках самой базовой лексики, в ходе которого лексема не вымывается из состава базовых, но при этом меняет значение.

⁶ Обращает на себя внимание замечательная словообразовательная активность, сопровождавшая заимствование лат. *ignis* в английском в этот период: в языке появляются такие лексемы, как прилагательное *ignite* (арх.) ‘раскаленный, огненный’ и образованный от него по конверсии глагол *ignite* ‘поджигать’, *ignition* ‘поджигание’, *ignitable* и *ignible* (арх.) ‘воспламеняющийся’, *igneduct* (арх.) ‘огнепровод’ и даже *ignivomous* (арх.) ‘извергающий огонь’ (первая фиксация, согласно OED, в памфлете Сэмюэла Харснета «О вопиющем жульничестве папистов» 1603 г.: *What a Monstrous Coyle would Six or Seaven Ignivomous priests keepe in hell*). На периферии словаря, но все же сохраняется в употреблении и название блуждающих болотных огоньков *ignis fatuus* (в просторечии — *will-o'-the-wisp*; ср. фр. *feu follet*, исп. *fuego fatuo*); ср. у Байрона: *Following the 'ignes fatui' of mankind* (*Don Juan*, XV, LIV; цит. по OED).

Ср. полный семантический сдвиг: общекельтск. **sāwol* ‘солнце’ > др.-ирл. *súil* ‘глаз’ при валл. *haul* ‘солнце’ (при др.-ирл. *grían* ‘солнце’ < общекельтск. **g^wrenso-* ‘жар’). Семантические корреляции ‘глаз’ = ‘солнце’ базируются скорее всего на архаической метафорике и внешнем сходстве. Ср. в данных базы DatSemShift: переход № 2071 sun — eye (помечен как двусторонний и насчитывает 9 реализаций). Ср. также метонимический сдвиг: в украинском *человек* как ‘мужчина, муж’ при *людина* ‘человек’.

4.2. Утрата самой лексемы, но сохранение основы в деривационных реализациях. Ср., например, бретонские и валлийские продолжения и.-е. обозначения ‘матери’, фиксируемые как *moereb*, *modryb* со значением ‘тетя’, преимущественно — ‘сестра отца’⁷. При этом собственно продолжения и.-е. обозначений матери применительно к самой матери в языках утрачены полностью, равно как и обозначения отца, и заменены на ‘мама’ и ‘тятя’ (*tam*, *tad*). В гойдельском этого нет, хотя современное обозначение ‘тети’ — *aintín* — это англицизм, а условно *тетя* обозначалась как ‘сестра отца-матери’ или словом *ammait* со значением ‘старшая родственница’, а также — ‘колдунья’ (ср. рус. *бабка* в том же значении). В галльском мы также имеем форму *matreβo γλανεικαβo* ‘матерям гланийским’ (вотивная надпись из Гланума, G-64, Lambert 1995: 87–88), причем матери в данном случае — это богини-покровительницы локуса, а не собственно матери. Аналогичным образом в надписи L-98 (свинцовая табличка из Ларзака) формы *matir* (nom.sg.), *materem* (acc.sg.) кодируют не собственно термины родства, а обозначения наставниц в колдовстве (см. RIG II-2: 262–264; Lejeune 1985). Таким образом, как мы можем предположить, в кельтском бриттском на раннем уровне было некое общее понятие для старшей родственницы женского пола, унаследованное этимологически от раннего состояния языка, которое затем было семантически уточнено при помощи суффиксации. Но для нас важен сам факт его вытеснения из списков базовой лексики, но не из языка в целом.

4.3. Вытеснение лексемы в область семантической периферии с сужением поля. Например, рус. *рыжий*, употребляемое в зоне природных феноменов, и диалектизм *рудой* (а также обозначение крови *руда* (*пустить руду*, *разбил нос до руды*)) к и.-е. **rou-do* ‘красный’ при базовом *красный*, ср. др.-ирл. *ruad* ‘красный’ и совр. ирл. *rua* ‘рыжий (о мехе или масти животных и цвете волос)’ при базовом *dearg* ‘красный’. Ср. также латыш. базовое *sarcans* ‘красный’ при *ruds* ‘рыжеватый (о волосах)’. Этот случай на самом деле не так прост для анализа. Если стоять на уже не модных позициях Б. Берлина и П. Кея о стадильном развитии системы цветообозначений в языках мира (Berlin & Kay 1969), мы должны будем признать, что отделение семантической зоны «оранжевый» от более широкой зоны «красный» происходит довольно поздно. Поэтому какой-то лексико-семантический сдвиг здесь в диахронии неизбежен; в нашем случае — это вытеснение исконной лексемы на периферию языка и, соответственно, замена инновацией соответствующей позиции в базовом списке. Но теоретически язык мог бы пойти по другому пути, как например, английский (сохраняющий *red* как базовый термин), который совсем недавно развил понятие *ginger* ‘имбирный’ для обозначения рыжего естественного тона (например — о мехе кота); семантический сдвиг в данном случае базируется на цвете прототипического объекта. В то же время русское *червонный*, также в свое время вытесненное из базовой лексики, входит одновременно в группу архаизмов, но также служит спецификации цвета и употребления ЦО в заданных контекстах, например — цвет флага, герба, ср. также *червонное золото*.

⁷ Ср. аналогичный переход № 5160 mother → aunt, mother’s sister в базе DatSemShift, отмеченный как «полисемия».

Аналогичное сужение поля наблюдается в случае родо-видовых сдвигов, представленных необычайно широко, особенно в зоне фитонимов и зоонимов. Условно можно назвать эту группу «группа пескарь», хотя русское *пескарь* (более ранняя форма *пискарь*, к и.-е. **peiskos* ‘рыба’ — Черных 1994, II: 26; Pedersen 1909: 90), как считают некоторые, не восходит к и.-е. термину, а родственно *песку* (Младенов 1941: 540) или *писку* (Фасмер 1996: 267). Ср. более надежное: ирл. *dair, daur*, валл. *dar*, ср.-корн. *dar*, брет. *dero* ‘дуб’, к и.-е. **derw-* ‘дерево’ (LEIA D: 12). Замена, предположительно, произошла еще на общекельтском уровне, когда и.-е. название ‘дерева’ было вытеснено рефлексом и.-е. **k^wres-* ‘куст’ (ср. ирл. *crann*, валл. *prepp*, брет. *prep*, ср.-корн. *prep* ‘дерево’, а также галльск. *preppe*, глоссируемое как *arborem grandem* в Глоссарии Эндлихера. Ср. греч. *drūs* ‘дуб; дерево’⁸ (см. Matasović 2009: 181; Friedrich 1970: 120–130, 138–149); ср. также лат. *avis* ‘птица’, но албан. *vida* ‘голубь’, при арм. *haw* ‘цыплёнок’, греч. *aietós* ‘орел’.

Также весьма примечательна судьба базовых лексем, относящихся к основным обозначениям животных и птиц, в германских языках (прежде всего, яркие примеры сдвигов подобного рода дает английский материал). Так, основное обозначение собаки являлось общим для всех германских языков: др.-англ., др.-сакс., др.-фриз. *hund*, др.-в.-нем. *hunt* (нем. *Hund*), др.-исл. *hundr*, гот. *hunds* — к и.-е. **kun-tó* (Ганина 2012: 27–28; ср. Kroonen 2013: 256); ср. лат. *canis*, др.-ирл. *cú*, рус. *сука*. При этом достаточно рано появляются обозначения разных пород (или, возможно, функций собак), где данная лексема является вторым компонентом: др.-исл. *smala-hundr, fjár-hundr* ‘пастушеская собака, овчарка’, *dýr-hundr* ‘гончая’, *grey-hundr* ‘борзая’; др.-англ. *hēa(h)dēor-hund* ‘гончая’, *grieg-hund* ‘борзая’, *roð-hund* ‘молосская собака’ (примеры приведены по Ганина 2012: 29–31). Несмотря на уже существующую в языке модель композитов для наименования пород в среднеанглийский период, *hound*, всё еще оставаясь основным обозначением собаки, постепенно развивает более узкое значение: ‘собака’ → ‘охотничья собака’ (сейчас эта лексема употребляется преимущественно по отношению к породе фоксхаунд (OED)); ср.: *Oft þan hundes foxes driueþ* — «Часто собаки лис гонят» (MED). В дальнейшем в качестве основного обозначения собаки его вытесняет ср.-англ. *dogge* (др.-англ. *docga* — лексема с неясной этимологией, засвидетельствованная лишь в одной глоссе), которое первоначально, вероятно, относилось к конкретной породе (английский дог / мастиф). Один из последних примеров употребления англ. *hound* в более широком значении (уже как поэтический архаизм) мы находим в стихотворении Г. У. Лонгфелло «Excelsior» (1841 г.): *A traveller, by the faithful hound, Half-buried in the snow was found* (OED).

Аналогичное развитие происходит и в случае англ. *deer*, которое первоначально являлось общим обозначением животного: др.-англ. *dēor* ‘(дикое) животное, зверь’, к общегерм. **deuza* (ср. др.-исл. *dýr*, др.-фриз. *diar, dier*, др.-сакс. *dior*, др.-в.-нем. *tior*, нем. *Tier*, гот. *dīus*), которое, в свою очередь, к и.-е. **d^heus-* ‘дуть, выдыхать’; ср. лит. *dūsauti* ‘вдыхать’, рус. *дух, душа, дышать* — «животные, как и человек, мыслятся как существа, наделенные ‘духом’, способностью ‘дышать’» (Гамкрелидзе & Иванов 1984: 466). В остальных германских языках данное значение сохраняется в качестве основного. Др.-англ. *dēor*, как правило, обозначало либо животных вообще, либо диких животных в противопоставлении домашним, ср. у Эльфрика в переводе книги Бытия: *God geworhte ðære eorþan deor æfter hira hiwum, and ða nitenu on heora cynne* (Bosworth & Toller 1898: 201) «и создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его» (1:25); ср. также устойчивое выражение *small deer*, ко-

⁸ Ср. также русск. диал. *ягода* ‘малина’, а также ‘клюква’, в зависимости от региона. Ср. также на языковом уровне замену в сербском *jagoda* ‘земляника, клубника’ при *bobica* ‘ягода’, см. в базе DatSemShift переход № 1049 (9 реализаций, дата обращения 16.07.2024).

торое сохраняет старое значение — например, у Шекспира: *But Mice, and Rats, and such small Deare, Haue bin Toms food, for seuen long yeare* (*King Lear*, III, IV; цит. по OED). Однако уже в среднеанглийском значение данной лексемы сужается, и она начинает обозначать животных, относящихся к семейству оленевых, ср.: *þe blod hond... þe smul haf wel of euerich best, of hare & ek of dure* (MED) «ищейка... хорошо чует всякого зверя, зайца и также оленя». Как следует из приведенного контекста, основным обозначением животного в этот период становится ср.-англ. *best(e)*, из старофр. *beste*, к лат. *bēstia* — возможно, к тому же и.-е. корню, что и общегерм. **deuza* (Гамкрелидзе & Иванов 1984: 237, 466); ср. в *King James Bible: Hee spake also of beasts, and of foule, and of creeping things, and of fishes* (OED) «он... говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах» (3 Цар (= 1 Kings) 4:33). Но и данная лексема (англ. *beast*) не удерживается в качестве основного обозначения животного, вытесняясь впоследствии англ. *animal* (из лат. *animal*, к *anima* 'дыхание, душа'); примечательно, что первоначально ср.-англ. и р.-н.-англ. *animal* может обозначать любое живое существо (включая человека): *Many men, by reason of their ignorance in the Latine tongue, think that Animal is a beast, whereas it signifieth a liuing creature* (OED). Как общее обозначение животного (в отличие от человека), *animal* начинает употребляться с XVII века; еще у Шекспира эта лексема является достаточно редкой (всего 8 употреблений в корпусе) и встречается в особо отмеченных контекстах (см. Shannon 2009).

Видимо, к данной группе можно также отнести замену общегерм. **fluglaz* 'птица' (из **fluglaz*, к и.-е. **plew-* 'бежать, течь, летать'⁹; ср. гот. *fugls*, др.-исл. *fugl*, др.-англ. *fugol*, др.-фриз. *fugel*, др.-сакс. *fugal*, др.-в.-нем. *fogal* (нем. *Vogel*); ср. также др.-англ. *flugol* 'способный летать, летящий быстро') в английском лексемой *bird* (ср.-англ. *brid* < др.-англ. *bridd* предположительно с изначальной семантикой 'птенец', см. Skeat 1887: 64; OED). Данная замена начинается в XIV в., но первоначально, по всей видимости, слово *bird* распространилось на птиц небольшого размера; так, еще в середине XVIII в. Сэмюэл Джонсон отмечает: *In common talk fowl is used for the larger, and bird for the smaller kind of feathered animals* (OED). Однако сейчас лексема *fowl* сохраняется в значении 'птица для еды, домашняя птица' (прежде всего — о курицах, петухах, а в США также и о домашних утках и индейках (OED)).

Не полностью ясным при этом представляется решение возникающей проблемы: свидетельствует ли русское *птица* в значении «домашняя птица», где имеются в виду не ласточки или воробьи, в таком случае о полисемии или ее просто нет, что называется, в ментальной карте говорящего?

4.4. Появление в языке нового концепта-семантемы и соответствующей оппозиции: ср. рус. *путь* при базовом *дорога*, др.-ирл. *sliged* 'дорога' и совр. ирл. *slí* 'путь, образ действия' при базовом *bothar* 'дорога'. Данная область была в свое время довольно подробно исследована (результаты опубликованы в Михайлова 2019; Mikhailova 2021b), причем для автора тогда главным было именно появление нового понятия в рамках прежнего: дорога как место перемещения и дорога как жизненный путь, а также — образ действия.

В славянских языках рефлексy и.-е. **pent-* получают скорее не значение 'дорога', но 'путь' как «направление, по которому можно пройти или проехать; фигурально — образ действия, способ»; встречаются при этом интересные частности, например, чешское *rouť* 'паломничество, богомолье'. Однако сказанное не затрагивает зону южных славянских языков, в которых дериваты и.-е. лексемы, как правило, имеют значение 'дорога',

⁹ Отметим, что и.-е. обозначение птицы **h₂ewei-* (ср. арм. *haw* 'птица, курица', лат. *avis* 'птица' и др. — см. Гамкрелидзе & Иванов 1984: 489, 537) не сохранилось в германских языках.

а точнее — не различают эти два близких понятия. Ср. серб. *put* ‘путь, дорога’ (при хорв. *cesta* ‘дорога’, но *put* ‘путь’), болг. *път* ‘путь, дорога’. Можно ли данный феномен квалифицировать как сохранение архаичной лексемы и использование ее применительно к новому понятию, которое предположительно можно квалифицировать как «новое», исходя из презумпции о семантическом развитии «от конкретного к абстрактному»? Как кажется, скорее да, ср. отмеченное выше неразличение *пути* и *дороги* в старославянском. Аналогичное смешение понятий в плане выражения отмечается и для готского, в котором также в обоих случаях употреблено слово *wigs*¹⁰ (ср. Starostin 2016: 43):

sunus Teimaiaus, Barteimaiaus blinda, sat faur wig du aihtron — «Вартимей, сын Тимофеев, слепой сидел у *дороги*, прося милостыни» (Мк 10:46);

hvan aggwu þata daur jah þraihans wigs sa brigganda in libainai — «потому что тесны врата и узок *путь*, ведущие в жизнь» (Мф 7:14).

Аналогичная полисемия сохраняется у продолжений общегерм. **wegaz* и в современных языках; ср. англ. *way*, исл. *vegur* (например: «*það er ekki úr vegi* а) это по пути; б) это неплохо» (Берков & Бёдварссон 1962: 831)), новонорв. *veg*, шв. *väg*, нид. *weg*, нем. *Weg*. В то же время в германских языках появляются и более специализированные лексемы: в западногерманском ареале — заимствование из иранского (Orel 2003: 291) **raþaz* ‘тропа, дорога’ (др.-англ. *rað*, англ. *path*, др.-фриз. *path*, др.-в.-нем. *phad*, нем. *Pfad*); ср. также множество наименований разных видов дороги в исландском: *braut* ‘дорога, путь; тропа; просёлочная дорога; железная дорога; колея’, *ferill* ‘след; путь, дорога; тропа’, *gata* ‘тропа, дорога; улица’, *leið* ‘путь, дорога; длина пути; направление (пути)’, *slark* ‘плохая дорога, распутица; тяжёлое путешествие, утомительная дорога’, *slóð* ‘дорога, тропинка, следы; местность, край’, *stígur* ‘тропа, узкая дорога; узкая улица; дорога, путь’ (Берков & Бёдварссон 1962: 91, 163, 216, 401, 651, 655, 701; Харальдссон 1996: 172, 589) и др. В то же время полисемия была свойственна и такому обозначению, как общегерм. **sinþaz*, к и.-е. **sent-* ‘направляться, идти; чувствовать’, откуда гот. *sinþs* ‘время’ (только в наречиях частотности: *twaim sinþam* ‘дважды’, см. Lehmann 1986: 305), др.-исл. *sinn* ‘время’, др.-сакс. *sīð* ‘путь, направление’, др.-англ. *sīð* ‘поездка, путешествие; удел, жизненный путь; дорога’ (ср. у Вульфстана: *Wa heom ðæs siðes ðe hi men wurdon* (Bosworth & Toller 1898: 878) — «Увы им, ибо их уделом было быть людьми»), др.-в.-нем. *sind*, *sint* ‘путь, направление’. А англ. *road* первоначально имело значение ‘поездка (верхом), путешествие’ (др.-англ. *rād* — к *rīdan* ‘ехать верхом’) и лишь с конца XVI века стало употребляться в привычном сейчас значении ‘дорога’ (OED).

Данный переход очень распространен в языках мира и неоднократно описан (Benveniste 1954; Dočkalová & Blažek 2011), причем интересен он и своей как бы постоянной повторяемостью, поскольку эквиваленты уже самого слова ‘дорога’ также начинают обрастать метафорическими коннотациями¹¹. Семантическое поле «дороги» включает в себя и собственно зону перемещения и способ перемещения, а затем — и образ действия.

Другой реализацией семантического перехода с «приращением» нового значения можно назвать и появление русского слова *великий* в значении ‘выдающийся, особенный, славный’, которое обрело это значение после вытеснения в русском из базовой лексики общеслав. **valъ* с общим значением размерности и заменой его рефлексом общеслав.

¹⁰ Также восходит к корню с общей семантикой движения, перемещения — **wegh-* (IEW: 1120) и, вопреки Ernout-Meillet 1939: 1101, генетически не связан с лат. *via* ‘дорога, путь’ (к и.-е. **wei-* ‘двигаться, летать, желать, спешить’ (IEW: 1123)).

¹¹ См в базе DatSemShift переход № 0748: 25 реализаций, помеченных как «полисемия».

**bol'jъjъ* (к и.-е. **bel-/bal-* 'сильный'), компаративной пары к **velikъ* (известно уже в XI в., см. ЭССЯ 2: 193; Derksen 2008: 52)¹².

Отчасти сходным образом складывается судьба и общегерм. **mekilaz* (к и.-е. **meġ-h₂-*, ср. лат. *magnus*, о котором ниже). Для гот. *mikils* фиксируется значение 'великий' (вероятно, указанный семантический переход уже состоялся), а также 'многий', ср.: *ip saei taujip jah laisjai swa, sah mikils haitada in þiudangardjai himine* — «а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф 5:19); *jah þeinamma namīn mahtins mikilos gatawidedum?* — «и не Твоим ли именем многие чудеса творили?» (Мф 7:22).

В скандинавском ареале — др.-исл. *mikill* 'большой, высокий', но также 'великий' (отметим и адвербиальное употребление формы ср. р. *mikit* 'много', см. Cleasby & Vigfusson 1874: 427); однако у этой лексемы появляется синоним (о семантике которого см. Starostin 2016: 14) — др.-исл. *stórr* 'большой; великий' (общегерм. **stōra-* > др.-англ. *stōr* 'великий; сильный, яростный', откуда *stour, stoor* (арх.) — см. OED; др.-сакс. *stōri* 'славный'), к и.-е. **steh₂uro-* ~ **sth₂uró-*, ср. лит. *stóras* 'толстый', рус. *старый* (Orel 2003: 379; Kroonen 2013: 482), который впоследствии потеснит ее в основном значении: ср. исл. *mikill* 'большой; высокий; великий' (однако, судя по примерам в Берков & Бёдварссон 1962: 448 и Харальдссон 1996: 38, 57–58, в первом значении — о количестве, числе или степени, но не о размерности) и *stór* 'большой; высокий; великий; сильный, мощный' (Берков & Бёдварссон 1962: 709). В других скандинавских языках продолжения общегерм. **mekilaz* вытесняются на периферию (или сохраняются в значениях 'многий', 'много' — ср. новонорв. *mikje*, шв. *mycket*): новонорв. *stor* 'большой; великий', шв., дат. *stor* 'большой; великий; взрослый'.

В западногерманском ареале др.-англ. *micel, mycel*, др.-в.-нем. *mihhil* 'большой; великий' уступают продолжениям общегерм. **grautaz* > др.-англ. *grēat*, др.-в.-нем. *grōz* 'грубый (шероховатый); большой; великий'; ср. *mid greatan sealte* (Bosworth & Toller 1898: 488) — «с грубой солью»: первично значение 'грубый, грубого помола', откуда далее, как в данном контексте, могло развиваться значение 'крупный, большой', к и.-е. **g^hréud-e-* 'молоть, тереть' (ср. рус. *груда*). Отсюда нем. *groß* (ср. название региона нем. *Mecklenburg* — от одноименного замка, название которого сохранило старую лексему), нид. *groot* 'большой; великий'. В английском мы находим более сложную картину. С одной стороны, др.-англ. *micel, mycel*, постепенно десемантизируясь, с XIII в. используется как интенсификатор (англ. *much*; но в диалектах сохраняется *mickle, muckle* со старым значением (OED)). Однако в качестве обозначения размерности *great* в языке не удерживается; его областью употребления становятся переносные значения — 'великий' и 'прекрасный, превосходный' (в последнем значении — с XIX в., см. OED). Ему на смену приходят новые синонимы: ср.-англ. *large* 'щедрый, изобильный' (с XIII века) → 'просторный, большой' (с XIV века) (из старофр. *large*, к лат. *largus*) и ср.-англ. *big* 'сильный, крепкий' → 'большой' (этимология неясна, см. MED, OED; лексема появляется в памятниках XIV века, написанных на диалектах северной части Англии, откуда постепенно распространяется на юг). Таким

¹² Ср. представленный как «полисемия» переход *big* → *great* (№ 2541, 22 реализации) в базе DatSem-Shift. Единственным исключением в данном случае является рус. *великий*, для которого отмечен тип перехода «семантическая деривация». Безусловно, примеров полисемии у лексемы со значением 'большой', употребленной в значении 'великий, славный и пр.' можно было бы найти еще много, но при этом встает вопрос: если бы не наличие в русском языке, на который все же невольно как на модель ориентируются составители базы, лексемы *великий*, вытесненной новым образованием *большой* и получившей дополнительное значение, можно ли было бы вообще говорить о полисемии, как-то отмечать этот случай и создавать специальный семантический переход? Обращение к данным других языков должно в данном случае послужить критерием оправданности самого перехода и стоящего за ним семантического сдвига.

образом, современная оппозиция в англ. *great* — *big*, *large* в целом аналогична рус. *великий* — *большой*.

Аналогичная вторичная семантика с выделенным значением 'великий, значительный' из исходного базового 'большой' наблюдается и у лат. *magnus*, которое, как часто считают, было вытеснено лексемой *grandis* с близким значением еще в народной латыни (см. ниже), однако вытеснение корня происходило постепенно.

Ср., например, сохранение лексемы в старо-фр. *magnes*, ср.-фр. *maine* = *grant* (Greimas 1968: 380), в частности, начало «Песни о Роланде» (X в.): *Carles li reis, nostre emperere magnes...* — «Карл король, наш император великий...». Определение в данном случае не входит в NP-компонент, что показывает, что лексема употреблялась не только в традиционном именовании Шарлемань, но и самостоятельно. В этимологическом словаре французского языка Вальтера фон Вартбурга¹³ приводятся также старопровансальские формы и употребления: *mainh* (са. 1200), *manh* (са. 1350), а также сочетание *pus manh* 'большой, букв. более большой', видимо в исходном значении. Во французском языке, как показывает он же, лексема со значением 'великий' употреблялась в основном по отношению к выдающимся правителям. Кроме широко известного *Charles Maignes* > *Karles li maines*, ср. также *Alixandres li maines* 'Александр Великий' и *Hues li maines* 'Гуго Великий'¹⁴. Ср. также *dame maine* 'дама знатного происхождения, отличающаяся также благородством' (са. 1280), а также *sainte uglise magne* 'святая, великая церковь (о римско-католической церкви)' (са. 1343).

В ряде диалектов лат. *magnus* сохранилось в исходном значении 'большой' в составе композитов (в нашей терминологии пункт 2). См., например, норм. *magnigoule* 'человек с большим ртом', *magnit* 'бутылка шампанского, содержащая 2 литра' (фиксация 1907 г.).

С XV в. лексема *maine* во французском была почти утрачена и с ней — возникшая оппозиция «большой — великий», причем рефлексы лат. *grandis* с начала XVII–XVIII вв. значительно расширяют семантическое поле, включая и понятие «великий» (*Aux grands homme la patrie reconnaissante!*¹⁵), а также получают значение MAGN — ср. *grande vieillesse* 'глубокая (букв. большая) старость', *grandes eaux* 'высокие воды, высокий уровень подъема воды, наводнение' (при близком фразеологизме в итальянском оформленном как *acqua alta* 'высокая вода') и пр.

В итальянском лексема *magno* сохранялась примерно до середины XIV в.¹⁶, однако может употребляться как поэтизм или в «возвышенном контексте». В испанском лексема исчезла раньше, но сохранялась в именовании знати. Ср. также ряд образований, как например, франц. *magnifique* 'великолепный', итал. *magnifico* id. — заимствования из средневековой латыни (*magnificus* 'великолепный, роскошный; славный, знаменитый')¹⁷.

Средневековая латынь, постоянно присутствовавшая как фон создания культурной лексической нормы, как мы понимаем, для «пользователей» по определению не была и не могла быть родным, разговорным языком. Феномен дистанцирования мог создавать и эффект фокусирования на внутренней форме и происхождении той или иной лексемы, как правило, не осознаваемых носителями языка. Ср. в связи с употреблением лек-

¹³ См. онлайн-версию на сайте <https://lecteur-few.atilf.fr/lire/61> (издание Wartburg 1922).

¹⁴ Гуго Великий (897–956), герцог франков, правитель Аквитании и Бургундии.

¹⁵ «Великим людям благодарная родина» — надпись на входе в здание Пантеона в Париже.

¹⁶ См. онлайн-версию незавершенного исторического словаря итальянского языка: <http://tlio.oiv.cnr.it/TLIO/>.

¹⁷ При исп. *fabuloso*, рум. *fabulos* 'великолепный' с другим типом семантической деривации: от «славного, известного» к «великолепному».

семь *magnus* интересный пример из географического труда ирландского монаха Дикуйля (IX в.), демонстрирующий у нее пресуппозиционную семантику ‘великий’: *Germanicarum insularum Candia*¹⁸ *maxima est, sed nihil in ea magnorum preter ipsam* (Tierney 1967: 76) — «Среди германских островов Кандия — величайший, но никакого величия в нем самом нет».

Общей тенденцией развития латинской лексики от классической латыни к латыни народной, давшей впоследствии словарный состав романских языков, как принято считать, является упрощение словарного запаса языка в целом, которое «согласно закону лингвистической экономии» (Reutner 2014: 214), начинает избегать односложных лексем, заменяя их более длинными, а также слов, создающих семантические оппозиции, как бы «усложняющие» коммуникацию излишним семантическим нюансированием, и в то же время традиционно относящихся к так называемому «высокому стилю речи» и «вообще не употреблявшихся в разговорном языке» (Grandgent 1907: 8). Это, безусловно, так, однако проблема выбора лексемы из квази-синонимичной пары остается, как кажется, до конца не решенной. Так, например, почти полные синонимы *femina* — *mulier* ‘женщина’ разошлись в дочерних языках: ср. рум. *femeie*, франц. *femme* при исп. *mujer*, порт. *mulher*, и катал. *dona* (к лат. *domina* ‘хозяйка дома, супруга’), итал. *donna* (при *moglie* ‘жена’).

Общая тенденция развития в переходные эпохи «от сложного к простому» характерна не только для латинского языка и народной латыни. Выйдя за пределы базовой лексики, нельзя не отметить аналогичную борьбу с парасинонимами в современном русском языке. Так, пары *волноваться* — *переживать*, *трудно* — *сложно*, *осторожно* — *аккуратно* постепенно сокращаются за счет вытеснения из речи первой лексемы и замены ее второй, что говорит в целом об обеднении ментальной картины мира говорящего. Следующая намечающаяся жертва — это лексема *скорее*, все более вытесняемая парой *быстрее*. Процесс вытеснения парасинонимов в данном случае еще находится вне кодификации русского языка словарями и его анализ может опираться лишь на субъективные данные, полученные в результате устной коммуникации, ср. однако Левонтина 2021: 28–29.

Как писал еще Ч. Гранджент, «литература старается расширять значения слов, тогда как народная речь старается их ограничивать» (Grandgent 1907: 6). Как пишет он же далее, «когда в латыни было два синонимичных слова, одно часто поглощало другое» (*ibid.*: 9). В качестве примеров им приводятся пары *atrium* — *casa*, *equus* — *caballus*, *ferre* — *portare*, *os* — *bucca*, *senex* — *vetulus* и др., в которых победителем оказывается вторая лексема. В его списке есть и пара *magnus* — *grandis*, отмеченная еще Г. Рёмишем (первое издание — 1868, см. Römisch 1979: 472). Обращение к словарным данным собственно латинского языка показывает, что эти две лексемы являлись скорее парасинонимами, как и многие другие, хотя точное семантическое противопоставление в данном случае провести довольно трудно. А. Эрну и А. Мейе отмечают народный, крестьянский характер употребления лексемы *grandis*, связывая ее с описанием выросшего урожая и поголовья скота, хотя признают, что она могла употребляться и по отношению к человеку высокого роста. «Этимология этого вульгарного слова, — как они пишут, — с долгим *a*-вокализмом не известна¹⁹, а и.-е. понятие для ‘большой’ передавалось латинским *magnus*» (Ernout & Meillet 1939: 432). Таким образом, как они считают, оппозиция двух лексем в данном случае носила не столько семантический, сколько социальный характер и поэтому не случайно, что романские языки приняли от народной латыни именно *grandis*. П. Глэр

¹⁸ Скандинавия.

¹⁹ Действительно — не известна (см. De Vaan 2008: 270), поскольку вокализм не дает соотнести ее с и.-е. основой с общим значением ‘расти, увеличиваться’.

находит для *grandis* множество других употреблений, среди которых сочетания, имеющие значение ‘славный, знаменитый, великий’ (этимологически, кстати, соотнося латинскую лексему с греч. βρένθος ‘слава’) и отмечает универсальность употребления лексемы (Glare 1968: 771–772). Идею величественности и торжественности отмечает у лат. *grandis* и И. Х. Дворецкий, давая пример *Carmen grandis* ‘торжественная песнь’ (Дворецкий 1976: 460). Видимо, как можно предположить, расширение семантического поля у лексемы *grandis* за счет семантики «величественности» намечалось уже в поздней латыни (работа с корпусом латинского языка принесла бы более аргументированные результаты, но это — тема для отдельного исследования). При этом остается лишь удивляться, что в старофранцузском так долго сохранялся рефлекс *magnus* > *maine* (видимо, под влиянием ученой латыни), равно как и тому, что в борьбе с парасинонимами *grandis* вышло победителем при ширине семантического поля у *magnus*.

Продолжение и.-е. базовой основы с общим значением ‘большой’ **mag-* в кельтском было вытеснено основой **māro-*, не имеющей точной этимологии (см. LEIA M-N-O-P: 18 при альтернативной, достаточно убедительной трактовке в Matasović 2009: 258). Основа представлена во всех кельтских языках (др.-ирл. *már, mór*, валл. *mawr*, ср.-корн. *maur*, брет. *teur*), что позволяет предположить наличие на раннем этапе парасинонимов **magyo-* — **māro-*. В эксплицитном виде продолжения обеих основ фиксируются в галльской ономастике, ср. *Magio-rix* и *Nerto-marus* (лексема в основном представлена как второй элемент композита). Ср. др.-ирл. *nertmar* ‘могучий’, валл. *nerthfawr* ‘сильный’ (Evans 1967: 224). Ж. Вандриес отмечал, что семантика данного элемента, представленного в композитах с первым элементом, отсылающим, как правило, к физическим или моральным качествам, кодирует скорее количественный показатель (см. Vendryes 1950: 247), и приведенный выше композит имеет, таким образом, семантику «много-сильный», точнее — «сильно-многий», с характерным для кельтских NP «обратным бахуврихи»), так что мы можем с некоторой осторожностью реконструировать для галльского наличие уже отмеченной дихотомии «большой — великий», при которой более архаическая для группы языков лексема получает значение ‘великий, славный’. В островном кельтском данное противопоставление не фиксируется.

Таким образом, сопоставление микрополей с исходным значением размерности, для которых, как пишет А. В. Дыбо, опираясь на работы Н. И. Толстого (Толстой 1963; 1964; 1966), допустимо отметить «в качестве релевантного всякий семантический признак, для выражений которого хотя бы в одном диалекте выступает особая лексема» (Дыбо 2011: 362), позволяет в нашем случае выделить признак, условно названный как «величие», базирующийся, скорее всего, на метафорическом осмыслении и переносе собственно размера как «большого, отмеченного, выдающегося» в физическом смысле на «размерность» человеческой личности. Интересно при этом, что приращение новой семантики там, где данный сдвиг происходит в языке, всегда фиксируется у лексемы более архаической, видимо — в силу расширения и перегруженности ее семантического поля.

Условно говоря, данный сдвиг может быть представлен в виде схемы 1, в которую укладываются семантические переходы «путь — дорога» и «великий — большой» и, как хотелось бы предположить, ряд других.

Сходным, но не совсем идентичным, образом в лат. паре *brevis* — *curtus* ‘короткий’ вытесненной оказалась первая лексема с достаточно широким семантическим полем, ориентирующаяся как на отрезок времени (*vita brevis*), так и собственно на размерность (*baculus brevis* ‘короткая палка’, *capillus brevis* ‘короткие волосы (sg.)’, *homo corpore brevis* ‘малорослый человек’); безусловно, для классической латыни она имеет статус базовой. В ставшей в своем роде классической работе Kassian et al. 2010, призванной дать семан-

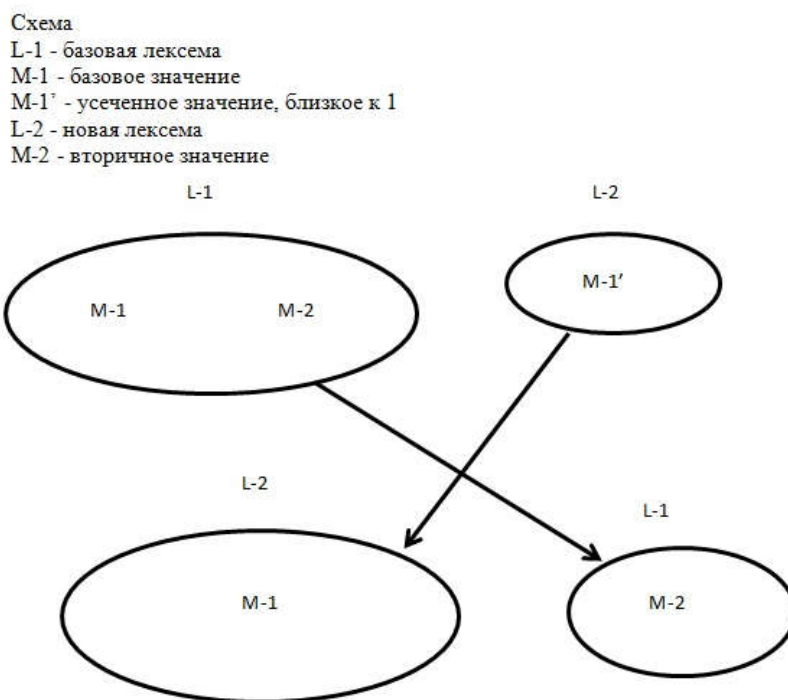

Схема 1. Обобщенный механизм семантических переходов.

тическую спецификацию лексем, включаемых в списки базовой лексики, ‘короткий’ в качестве семантического эквивалента имеет указание на «физический объект, не смешиваемый с ‘низким’ в тех языках, которые различают эти два слова» (Kassian et al. 2010: 87). Латинский данные понятия скорее смешивал, добавляя к ним также «скудность, тесноту, узость, мелкость (о жидкости) и пр.», а также «краткий — о сроке, времени». Исходя из определения в Kassian et al. 2010, значение ‘короткий — о сроке’ у базовой лексемы вообще не должно быть отмечено, а точнее — оно является вторичным. Но если следовать вышеприведенным указаниям буквально, то, реконструируя у и.-е. основы **mr̥ǵhus* исходную семантику ‘краткий, о сроке’ (см. ниже), мы должны будем признать полное отсутствие базового понятия ‘короткий’ на архаическом уровне, что, конечно же, маловероятно. Скорее речь здесь идет об ограниченности фиксаций для и.-е. диалектов раннего периода. Что же касается пласта латинских текстов, довольно обширного, то в них лексема *brevis* выполняет функции базовой, то есть реализует отмеченное значение «короткий — о размере». Традиционно лат. *brevis* возводится к и.-е. основе **mr̥ǵhus*, имеющей семантику «короткий в пространстве и во времени» (Mallory & Adams 2006: 319), давшей также греч. βραχύς ‘короткий’, соотносимое с др.-инд. *muhūrtá* ‘короткий срок, момент’ и ав. *mərəzu-juua-* ‘короткая жизнь’ (Beekes 2009: 236; De Vaan 2008: 75). Не признаваемый в Walde 1910: 97 переход **mr-* > **br-* в настоящее время считается фонотактически оправданным (см. Cowgill 1970; об аналогичном переходе и его фонетической трактовке в среднеирландском см. McCone 1996: 141). Хотя соответствующее прилагательное в готском не сохранилось, ср. также гот. *ga-maurgjan* ‘сокращать’ (см. Lehmann 1986: 145). Лексема встречается в Послании к Римлянам апостола Павла: *waurd auk ustiuhands jah gamaurgjands in garaihtein, unte waurd gamaurgip̃ taujip̃ frauja ana airpai* — в русском синодальном переводе: «ибо дело оканчивает и скоро решит по правде, дело решительное совершит Господь на земле» (Рим 9: 28). (Ср. также перевод Иеронима: *Verbum enim con-summans et brevians in aequitate quia verbum breviatum facient Dominus super terram.*) «Укороченное слово» (в оригинале λόγον συνέμνων, букв. «слово отрезанное», асс.) безусловно отсылает к размерности во времени: Господь коротко решит и исполнит свое слово-дело.

Таким образом, на уровне глубинной диахронии у корня в качестве старшего можно было бы предположить значение ‘короткий — о сроке’, на самом же деле, видимо, мы имеем дело с большей востребованностью в самих текстах значения ‘короткий срок’ (но не ‘размер’). Продолжения лат. *brevis*, имеющего статус базовой лексемы, в романских диалектах скорее продолжают линию маркировки краткого срока. Ср. старофр. *brefment* ‘кратко, в короткий срок’, а также *brief* ‘письмо, записка’ (из средневековой латыни заимствовано в немецком с тем же значением; из старофр. — ср.-англ. *bref*, суц. ‘послание’, прилаг. ‘краткий (о сроке)’ → ‘сжатый’ (англ. *brief*)). Ср. также итал. *breve* ‘короткий, о сроке’, галисийск., порт. *breve*, рум. *brevă* в основном с предпочтительным значением «короткий срок».

Конкурентом *brevis* в классической латыни была лексема *curtus*, обладающая изначально гораздо более узким семантическим полем. Лексема имела в первую очередь значение ‘укороченный, срезанный, неполный, скудный’, но именно она оказалась востребованной романскими языками в качестве базовой: итал., исп. *corto*, франц. *court*, рум. *scurt* (о распределении рефлексов синонимических латинских пар в романском ареале см. Pescu 1987). Исходная семантика лексемы, имеющей огромное количество когнатов (в основном в германских языках) и традиционно возводимой к и.-е. *(s)ker- ‘резать, отрезать’, скорее понятна и объяснима. Но понятно также и другое: изначально обладающая сжатым семантическим полем и выступающая как парасиноним к *brevis*, *curtus* при переходе от народной латыни к романским диалектам не только приобрела статус базовой, но и спровоцировала сужение семантики вытесненного ею *brevis* до значения ‘краткий (о сроке)’, что и было затем зафиксировано в романских языках, а также в продолжениях западногерманского заимствования, имеющего в основном ту же семантику, т. е. отчасти мы наблюдаем семантическую динамику, сходную с описанной выше как для понятий ‘путь, дорога’, так и ‘большой, великий’, а именно: (а) лексема, имеющая статус базовой и выражающая базовое понятие, постепенно наращивает вторичную семантику, удерживаемую внутри поля; (б) в качестве синонима с ней сосуществует в языке близкое понятие с гораздо более узким полем; (в) на следующем этапе языкового развития лексема-1 сужает свое поле до минимума, т. е. до значения-2, в то время как лексема-2 начинает исполнять функции базовой, точнее — кодировать базовое понятие.

Краткость срока по сравнению с короткостью объекта предстает как понятие вторичное в нашей ментальной схеме. На самом деле это вопрос очень сложный, связанный с архаическими взглядами на движение времени, что далеко выходит за рамки нашей работы и ее проблематики. Но все же отметим, что стремление к различению понятий «краткий (о размере)» и «краткий (о сроке)» является скорее своего рода языковой универсалией, которую разные диалекты решают по-разному; ср. русск. *краткий* (только о сроке!) как церковно-славянизм.

В современных германских языках продолжения общегерм. **murgi* практически не сохранились, однако уцелевшие рефлексы позволяют предположить, что значение данной лексемы было идентично лат. *brevis*, ср. др.-в.-нем. *murg*, *murgi* ‘короткий’, *murg-fāri* ‘временный, преходящий’, др.-англ. *myr(i)ge* ‘приятный, веселый, радостный’ (англ. *merry*; семантический переход, видимо, аналогичен рус. *коротать время*, то есть приятно его проводить; ср. др.-исл. *skemta* ‘развлекать(ся)’, к *skammr* ‘короткий’, о котором далее). В английском на смену данной лексеме приходит когнат лат. *curtus* — *short* (др.-англ. *sc(e)ort*, др.-в.-нем. *scurz* ‘короткий’; ср. о разных предметах одежды — др.-англ. *scurte*, др.-исл. *skyrta* ‘укороченная) нательная рубаха’ (откуда англ. *shirt* и *skirt* соответственно), ср.-н.-нем. *schorte*, нид. *schort*, нем. *Schurz* ‘фартук’; с переходом ‘короткий’ → ‘недостаточный’ — исл. *skortur*, новононрв. *skort* ‘нехватка, недостаток’). В континентальных герман-

ских языках по причинам, которые вряд ли поддаются рациональному объяснению, лат. *curtus* попросту заимствуется (причем достаточно поздно, на что указывают формы, в которых не происходит второго передвижения согласных), ср.: др.-сакс., др.-фриз. *kurt*, нид., н.-нем. *kort* (откуда также шв., новонорв., дат. *kort*), др.-в.-нем. *kurt*, *kurz* (нем. *kurz*). Отметим, что в XVII в. лат. *curtus* заимствуется и английским, но с достаточно узким значением: *curt* ‘краткий, сжатый, отрывистый’ — «short to a fault; so brief as to be wanting in courtesy or suavity» (OED). По иному пути идет исландский (ср. Starostin 2016: 61): уже в древнеисландском в значении ‘короткий’ — как по отношению к периоду времени, так и к объектам материального мира — конкурируют лексемы *skammr* (неясного происхождения; к *skammt*, ср. р. — англ. *scant* ‘недостаточный’) и *stuttr* (изначально — ‘недостаточный’ < ‘ушибленный’, к общегерм. **stautanan* (Orel 2003: 373); ср. др.-англ. *stunt* ‘глупый, недалекий’, англ. *stunted* ‘низкорослый; отстающий в развитии’). Такая ситуация сохраняется и по сей день: ср. исл. *skammur*, *stuttur* ‘короткий, краткий’ (Берков & Бёдварссон 1962: 610, 720–721; Харальдссон 1996: 296–297, 300).

Отчасти аналогичным образом происходил процесс вытеснения исходной лексемы в гойдельском. Общекельтск. **birro-* ‘короткий’ (Matasović 2009: 66) с неясной этимологией сохранилось в бриттских языках (ср. ср.-валл. *byrr*, брет. *berr*, корн. *ber*) и зафиксировано в галло-бриттском *birrus* ‘короткий плащ’. В гойдельском на раннем этапе оно фиксируется в языке огамических надписей (IV–VI вв. н.э.): в надписи № 131 — LITUBIRI MAQI QECIA — имя трактуется как сложение основ *lit(h)* ‘удача’ и **birr-* ‘короткий’ (Delamarre 2003: 76), либо **ber-* ‘нести’ (с оговоркой о неясном вокализме см. McManus 1997: 104). Таким образом, имя в первом случае означает ‘короткая удача’, а во втором ‘приносящий удачу’. Другим вхождением в корпус является надпись латинским письмом из Уэльса, содержащая гойдельские имена (огам предположительно отбит), № 403 — CARITINI FILI BERICCI, в которой имя отца умершего (ном. **Bericcas*), как предполагает А. А. Королев (1984: 121), означает ‘с короткими волосами, стриженный’ (с характерным продуктивным общекельтским велярным суффиксом **-ik-/*-ak-*, см. Russell 1990). Ср. также имя в надписи № 277 — BIR с неясной семантикой. Если мы принимаем трактовки А. А. Королева и К. Деламара, следует признать у продолжения общекельтск. **birro-* в гойдельском достаточно широкое семантическое поле: как ‘короткие волосы’, так и ‘короткая удача’ (видимо — о сроке, но может быть и о размере). В дальнейшем лексема *berr/birr* значительно сужает семантику, причем развитие идет по двум линиям. Так, образуется глагол *berraid* ‘стричь волосы’, ‘выстригать тонзуру’; с другой стороны, как адъектив лексема употребляется для обозначения длины пути, причем в данном случае понятия «расстояния» и «времени пути» слитны. Для обозначения «короткого размера» начинает употребляться лексема *gerr*, как помечено в «Словаре ирландского языка» — «short, of space and time» (Byrne 1966: 74), образованная от глагола *gerraid* ‘режет, отрезает’ (ср. и-е. **sker-* и его продолжения), которая в свою очередь в среднеирландский период в значении ‘короткий о сроке’ начинает вытесняться лексемой *garit*, в «Словаре» с пометой — «short, of time and duration» (Byrne 1966: 46). В современном ирландском первая лексема (в форме *gearr*) имеет статус базовой (в словаре отца Диннина с пометой — «short, of time or space», см. Dinneen 1927: 528), тогда как *gairid* употребляется только по отношению ко времени или взаимоотношениям между людьми: *tá sé gairid i ngaol liom* — «он близок по отношению ко мне» (пример из Dinneen 1927: 510; ср. русск. *быть накоротке*).

Отмеченный нами механизм вытеснения базовой лексемы и замены ее другой, изначально обладающей узким семантическим полем, притом что первая сохраняется в языке, но получает новое, нюансированное значение, представляется если не универсальным, то в достаточной степени частотным, поскольку опирается на приращение нового

смысла к уже имеющемуся. Так, например, русские слова *хороший* и *плохой* являются инновациями по сравнению с общеслав. **dobrъ* ‘хороший’ (ЭССЯ 1978: 45–46) и **zъlъ* ‘плохой’ (Черных 1994: 326). Вытесненные из базового списка лексемы получают новое значение, близкое исходному, но как бы окрашенное этически. Означает ли это, что болгарин или поляк (как и англичанин) не имеют представления о добре и зле, если в их языке нет соответствующей эксплицитной дихотомии? Это вопрос уже скорее не лингвистический, а философский, но следует отметить, что с легкостью говоря о «полисемии», составители словарей и баз данных опираются на хорошо разработанные языки с уже описанной той или иной дихотомией, что позволяет смотреть на описываемый новый материал через сопоставительную призму. Но всегда ли это справедливо?

Возвращаясь к классификации типов развития вытесненной из базового списка лексики, остается лишь упомянуть еще одну категорию (быть может, не столь интересную на фоне всего сказанного выше):

4.5. Утрата лексемой статуса базовой (или переход на новую позицию) с сохранением самой основы, но с наличием дополнительной морфологической деривации; ср., например, рус. *муж* ‘супруг’ при *мужчина* ‘человек мужского пола’, также серб. *мушкарац* ‘мужчина’ при *муж* ‘супруг’; ср. также аналогичную оппозиционную деривацию в латышском: *vīrs* — *vīrietis*. Ср. также появление семантики «великий» как тип морфологической деривации у лит. *didùs* ‘великий, славный’ при *dìdis* ‘большой’ (Fraenkel 1962: 63).

Вымывание лексики из языка сопровождается разными процессами, но при этом оно неизбежно и отчасти — универсально, а точнее — сходно или аналогизировано на уровне семантики. В следующей части нашего исследования мы попробуем в рамках предложенной здесь классификации детально проследить этапы и пути вытеснения и.-е. основы **ǵro-* в романских и германских языках и, что по-прежнему остается для нас главным, определить мотивации семантических изменений в его сохранившихся рефлексах.

Сокращения названий языков

авест. — авестийский; албан. — албанский; англ. — английский; арм. — армянский; болг. — болгарский; брет. — бретонский; валл. — валлийский; герм. — германский; гот. — готский; греч. — греческий; дат. — датский; др.-англ. — древнеанглийский; др.-в.-нем. — древневерхненемецкий; др.-инд. — древнеиндийский; др.-ирл. — древнеирландский; др.-исл. — древнеисландский; др.-сакс. — древнесаксонский; др.-фриз. — древнефризский; и.-е. — индоевропейский; ирл. — ирландский; исл. — исландский; исп. — испанский; итал. — итальянский; катал. — каталонский; корн. — корнский; лат. — латинский; латыш. — латышский; лит. — литовский; нар. лат. — народная латынь; нем. — немецкий; нид. — нидерландский; норв. — норвежский; общегерм. — общегерманский; общеслав. — общеславянский; общекельтск. — общекельтский; порт. — португальский; рум. — румынский; рус. — русский; серб. — сербский; сербо-хорв. — сербохорватский; ср.-англ. — среднеанглийский; ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий; ср.-ирл. — среднеирландский; ср.-н.-нем. — средненижненемецкий; старофр. — старофранцузский; фарер. — фарерский; франц. — французский; хорв. — хорватский; шв. — шведский.

Литература

- Берков, В. П., А. Бёдварссон. 1962. *Исландско-русский словарь*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Гамкрелидзе, Т. В., Вяч. Вс. Иванов. 1984. *Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета.

- Ганина, Н. А. 2012. Собака в древнегерманской традиции. *Атлантика: записки по исторической поэтике* X: 21–46.
- Дворецкий, И. Х. 1976. *Латинско-русский словарь*. Изд. 2-е, перераб. и дополн. Москва: Русский язык.
- Дыбо, А. В. 2011. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: лексика конкретного словаря. В кн.: Л. П. Крысин, Л. Л. Иомдин, И. М. Богуславский (ред.). *Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна*: 359–391. Москва: Языки славянских культур.
- Кальгин, В. П. 2006. *Этимологический словарь кельтских теонимов*. Москва: Наука.
- Королев, А. А. 1984. *Древнейшие памятники ирландского языка*. Москва: Наука.
- Левонтина, И. Б. 2021. *Честное слово*. Москва: КОРПУС.
- Михайлова, Т. А. 2019. Дороги, которые мы выбираем: о реализации понятия № 67 «дорога» списка Сводеша в кельтских языках. *Вопросы языкознания* 5: 101–119.
- Младенов, Стефан. 1941. *Этимологически и правописен речник на българския книжовен език*. София: Христо Г. Данов.
- Старостин, С. А. 2007. Определение устойчивости базисной лексики. В: С. А. Старостин. *Труды по языкознанию*: 827–839. Москва: Языки славянских культур.
- Старостин, Г. С. 2015. *К истокам языкового разнообразия*. Москва: Издательский дом «Дело».
- Толстой, Н. И. 1963. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава I. *Вопросы языкознания* 1(1963): 29–45.
- Толстой, Н. И. 1964. О некоторых возможностях лексикосемантической реконструкции праславянских диалектов. В кн.: Н. И. Толстой (ред.). *Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии. Тезисы докладов*: 37–39. Москва: Наука.
- Толстой, Н. И. 1966. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава II. *Вопросы языкознания* 5(1966): 16–36.
- Фасмер, Макс. 1996. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. Санкт-Петербург: Азбука.
- Харальдссон, Хельги. 1996. *Русско-исландский словарь*. Рейкьявик: Несутгауфан.
- Черных, П. Я. 1994. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1–2. Москва: Русский язык.
- ЭССЯ 2 = О. Н. Трубачев и др. (ред.). 1975. *Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд*. Т. 2. Москва: Наука.
- ЭССЯ 5 = О. Н. Трубачев и др. (ред.). 1978. *Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд*. Т. 5. Москва: Наука.

References

- Beekes, Robert S. P. 2009. *Etymological dictionary of Greek*. Leiden: Brill.
- Benveniste, Emile. 1954. Problèmes sémantiques de la reconstruction. *Word* 10(1954): 251–264.
- Berlin, Brent, Paul Kay. 1969. *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley: University of California Press.
- Berkov, V. P., Á. Böðvarsson. 1962. *Islandsko-russkij slovar'*. Gosudarstvennoje izdatel'stvo inostrannyx i nacional'nyx slovarej.
- Blažek, Václav. 2007. From August Schleicher to Sergei Starostin: On the development of the tree-diagram models of the Indo-European languages. *Journal of Indo-European Studies* 35: 82–110.
- Bosworth, Joseph, Thomas Northcote Toller. 1898. *An Anglo-Saxon dictionary*. Oxford University Press.
- Byrne, Mary E. 1966. *Contributions to a dictionary of the Irish language*. G. Dublin: Royal Irish Academy.
- Chernyh, P. Ja. 1994. *Istoriko-etimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka*. Vols. 1-2. Moskva: Russkij jazyk.
- Cleasby, Richard, Gudbrand Vigfusson. 1874. *An Icelandic-English dictionary*. Oxford: Clarendon Press.
- Cowgill, Warren. 1970. Italic and Celtic superlatives and the dialects of Indo-European. In: George Cardona, Henry M. Hoenigswald, Alfred Senn (eds.). *Indo-European and the Indo-Europeans*: 113–153. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Delamarre, Xavier. 2003. *Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtic continental*. 2ème édition revue et augmentée. Paris: Errance.
- Derksen, Rick. 2008. *Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon*. Leiden: Brill.
- De Vaan, Michiel. 2008. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden / Boston: Brill.

- DIL = Marstrander, Carl et al. 1913–1976. *Dictionary of the Irish language*. Dublin / London: Royal Irish Academy.
- Dinneen, Patrick. 1927. *Foclóir Gaedhilge agus Béarla. An Irish-English dictionary*. Dublin: Irish Texts Society.
- Dočkalová, Lenka, Václav Blažek. 2011. On Indo-European roads. *Journal of Indo-European Studies* 39(3/4): 299–341.
- Dvoreckij, I. Kh. 1976. *Latinsko-Russkij slovar'*. Moskva: Russkij jazyk.
- Dybo, A. V. 2011. Semanticheskaja rekonstrukcija v altajskoj etimologii: leksika konkretnogo slovar'aa. In: L. P. Krysin, L. L. Iomdin, I. M. Boguslavskij (eds.). *Slovo i Jazyk. Sbornik statej k 80-letiju akademika Yu. D. Apres'ana*: 359–391. Moskva: Jazyki slav'anskix kul'tur.
- Ernout, Alfred, Antoine Meillet. 1939. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots*. Paris: C. Klincksieck.
- ESSIA 2 = O. N. Trubachev et al. (eds.). 1975. *Etimologičeskij slovar slav'anskix jazykov. Vol. 2*. Moskva: Nauka.
- ESSIA 5 = O. N. Trubachev et al. (eds.). 1978. *Etimologičeskij slovar slav'anskix jazykov. Vol. 5*. Moskva: Nauka.
- Evans, David Ellis. 1967. *Gaulish personal names. A study of some continental Celtic formations*. Oxford: Clarendon Press.
- Fraenkel, Ernst Eduard. 1962. *Litauisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I*. Göttingen: Universitätsverlag.
- Friedrich, Paul. 1970. *Proto-Indo-European trees: The arboreal system of a prehistoric people*. Chicago/London: University of Chicago Press.
- Gamkrelidze, T. V., Vjach. Vs. Ivanov. 1984. *Indoevropskij jazyk i indoevropjcy: rekonstrukcija i istoriko-tipologičeskij analiz prajazyka i protokol'tury*. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta.
- Ganina, N. A. 2012. Sobaka v drevnegermanskoj tradicii. *Atlantika: zapiski po istoričeskoj poetike* 10: 21–46.
- Glare, Peter Geoffrey William. 1968. *Oxford Latin dictionary*. Oxford: Clarendon Press.
- Grandgent, Charles Hall. 1907. *An introduction to Vulgar Latin*. Boston: D.C. Heath & Company.
- Greimas, Algirdas Julien. 1968. *Dictionnaire de l'ancien français*. Paris: Librairie Larousse.
- Hamp, Erik P. 1973. Formations indo-européennes à second element *(H)kw-. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 68: 77–92.
- Haraldsson, Helgi. 1996. *Russko-islandskij slovar'*. Rejk'javik: Nesutgaufan.
- Hatzfeld, Adolphe, Arsène Darmesteter. 1964. *Dictionnaire général de la langue française du commencement du XVIIe siècle à nos jours. Vol. I*. Paris: Delagrave.
- IEW = Pokorny, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: A. Francke.
- Ilescu, Maria. 1987. Ce que nous apprend le vocabulaire de base du latin sur la diversification lexicale des langues romanes. In: J. Herman. *Latin vulgaire — latin tardif. Actes du Ier Colloque international sur le latin vulgaire et tardif (Pécs, 2-5 septembre 1985)*: 109–120. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Joynt, Maud. 1939. *Contributions to a dictionary of the Irish language: M*. Dublin / London: Royal Irish Academy.
- Joynt, Maud. 1941. *Contributions to a dictionary of the Irish language: N-O-P*. Dublin / London: Royal Irish Academy.
- Kalygin, V. P. 2006. *Etimologičeskij slovar' kel'tskix teonimov*. Moskva: Nauka.
- Kassian, Alexei, George Starostin, Anna Dybo, Vasilij Chernov. 2010. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification. *Journal of Language Relationship* 4: 46–89.
- Kochman-Haľadyj, Božena. 2007. Low wenches and slatternly queans: on derogation of WOMEN TERMS. *Studia Anglica Resoviensia* 4: 206–228.
- Korolev, A. A. 1984. *Drevnejšije pam'atniki irlandskogo jazyka*. Moskva: Nauka.
- Kroonen, Gus. 2013. *Etymological dictionary of Proto-Germanic*. Leiden: Brill.
- Lambert, Pierre-Yves. 1995. *La langue gauloise*. Paris: Editions Errance.
- LEIA M-N-O-P = Vendryes, Joseph. 1960. *Lexique étymologique de l'irlandais ancien: lettres M, N, O, P*. Dublin/Paris: DIAS/CNRS.
- LEIA T-U = Bachellery, Edouard, Pierre-Yves Lambert. 1978. *Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes: lettres T, U*. Paris: CNRS.
- LEIA D = Lambert, Pierre-Yves. 1996. *Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes: lettre D*. Paris: CNRS.
- Lehmann, Winfred Philipp. 1986. *A Gothic etymological dictionary*. Leiden: Brill.
- Lejeune, Michel. 1985. Approche du texte: Larzac. *Etudes celtiques* 22: 118–138.
- Levontina, I. B. 2021. *Chestnoje slovo*. Moskva: CORPUS.
- Mallory, James P., Douglas Q. Adams. 2006. *The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European world*. Oxford University Press.
- Matasović, Ranco. 2009. *Etymological dictionary of Proto-Celtic*. Leiden: Brill.

- McCone, Kim. 1994. An tSean-Ghaeilge agus a Réamhstair. In: Kim McCone et al. (eds.). *Stair na Gaeilge*: 61–220. Maigh Nuad: Coláiste Phádraig.
- McCone, Kim. 1996. *Towards a relative chronology of ancient and medieval Celtic sound change*. Maynooth: St. Patrick's College.
- McManus, Damian. 1997. *A guide to Ogam*. Maynooth: an Sagart.
- MED = Robert E. Lewis et al. (eds.). 1952–2001. *Middle English dictionary*. Ann Arbor: University of Michigan Press. Online version: Frances McSparran et al. (eds.). 2000–2018. *Middle English compendium*. Ann Arbor: University of Michigan Library. Available at: quod.lib.umich.edu/m/med/. [Accessed 21.11.2024].
- Mikhailova, T. A. 2019. Dorogi, kotoryje my vybirajem: o realizacii pon'atija № 67 «doroga» spiska Svodesha v kel'tskix jazykax. *Voprosy jazykoznanija* 5(2019): 101–119.
- Mikhailova, Tatyana. 2021a. The Position of Middle Irish: Historical Linguistics and Glottochronology. *Roczniki humanistyczne* 69(11): 129–148.
- Mikhailova, Tatyana. 2021b. How to say 'road' in Irish: towards determining a semantic derivation of item #67(68) from the Swadesh list (Continental and Insular Celtic). *Studia Celto-Slavica* 12: 17–47.
- Mladenov, Stephan. 1941. *Etymologičeski i pravopisen rechnik na bŭlgarskiia knizhoven ezyk*. Sofia: Hristo G. Danov.
- Morris-Jones, John. 1913. *Welsh grammar, historical and comparative: phonology and accidence*. Oxford: Clarendon Press.
- OED = Multiple authors. 2009. *The Oxford English dictionary*. 2nd ed. on CD-ROM (v. 4.0). Oxford University Press.
- Orel, Vladimir. 2003. *A handbook of Germanic etymology*. Leiden: Brill.
- O'Rahilly, Thomas. 1976. *Early Irish history and mythology*. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies.
- Pedersen, Holger. 1909. *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen*. Bd. 1. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Pereltsvaig, Asia, M. W. Lewis. 2015. *The Indo-European controversy. Facts and fallacies in historical linguistics*. Cambridge University Press.
- Reutner, Ursula. 2014. Du latin aux langues romanes. In: Andre Klump, Johannes Kramer, Aline Willems (eds.). *Manuel des langues romanes*. Vol. 1: 199–223. Berlin / Boston: De Gruyter.
- RIG II-2 = Lambert, Pierre-Yves (ed.). 2002. *Recueil des inscriptions gauloises*. Volume II-2. *Textes gallo-latins sur instrumentum*. Paris: CNRS.
- Römisch, Hermann. 1979. *Itala und Vulgata. Das Sprachidiom der urchristlichen Itala und der katolischen Vulgata unter Berücksichtigung der römischen Volkssprache*. Marburg: Georg Olms Verlag.
- Russell, Paul. 1990. *Celtic word-formation. The velar suffixes*. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies.
- Schrijver Peter. 1995. *Studies in British Celtic historical phonology*. Amsterdam: Rodopi.
- Shannon, Laurie. 2009. The eight animals in Shakespeare; or, before the human. *PMLA* 124(2): 472–479.
- Skeat, Walter W. 1887. *An etymological dictionary of the English language*. Oxford: Clarendon Press.
- Snædal, Magnús. 1998. *A concordance to Biblical Gothic*. 2 vols. Reykjavík: University of Iceland.
- Starostin, Georgij. 2015. *K istokam jazykovogo raznoobrazija*. Moskva: Izdatel'skij dom Delo.
- Starostin, George. 2016. *Annotated Swadesh wordlists for the Germanic group (Indo-European family)*. *The Global Lexicostatistical Database*. Available online at: starlingdb.org/new100/grm.pdf. [Accessed 21.11.2024].
- Starostin, Sergej. 1999. Comparative-historical linguistics and lexicostatistics. In: Vitaly Shevoroshkin, Paul Sidwell (eds.). *Historical linguistics & lexicostatistics*: 3–50. Melbourne: Association for the History of Language.
- Starostin, Sergej. 2007. Opredeľeniye ustojčivosti bazisnoj leksiki. In: Sergej Starostin. *Trudy po jazykoznaniju*: 827–839. Moskva: Jazyki slav'anskix kul'tur.
- Stokes, Whitley. 1900. Hibernica XIX. The sound groups apn, epn, ipn, opn, upn. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen* 36(2): 237.
- Stokes, Whitley (ed.) 1905. *Félire Oengusso Céili Dé. The martyrology of Oengus the Culdee*. London: Henry Bradshaw Society.
- Tolstoj, N. I. 1963. Iz opytov tipologičeskogo issledovanija slav'anskogo slovarnogo sostava I. *Voprosy jazykoznanija* 1(1963): 29–45.
- Tolstoj, N. I. 1964. O nekotoryx vozmožnost'ax leksikosemantičeskoj rekonstrukcii praslav'anskix dialektov. In: N. I. Tolstoj (ed.). *Problemy lingvo- i etnogeografii i areal'noj dialektologii. Tezisy dokladov*: 37–39. Moskva: Nauka.
- Tolstoj, N. I. 1966. Iz opytov tipologičeskogo issledovanija slav'anskogo slovarnogo sostava II. *Voprosy jazykoznanija* 5(1966): 16–36.
- Tierney, James J. (ed.). 1967. *Dicuilí Liber de Mensura Orbis Terrae*. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies.
- Vasmer, Max. 1996. *Etymologičeskij slovar' russkogo jazyka*. Sankt-Peterburg: Azbuka.

- Vendryes, Joseph. 1950. Deux nouvelles inscriptions Gallo-Romaines. *Études celtiques* 5(2): 237–247.
- Walde, Alois. 1910. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter.
- Wartburg, Walther von. 1922. *Französisches Etymologisches Wörterbuch. Eine darstellung des galloromanischen Sprachschatzes*. Bonn / Leipzig: Kurt Schroeder.
- Widmer, Paul. 1997. Zwei keltische t-Stämme. *Historische Sprachforschung* 110(1): 122–127.

Tatiana Mikhailova, Maria Volkonskaya. The nature of semantic shifts within the basic lexicon: an attempt at systematization

In this paper we analyze common scenarios for lexemes replaced within the extended 207-item Swadesh wordlist within microfamilies or individual languages. Four main scenarios for the further semantic development of such lexemes have been identified: (1) complete disappearance of the lexeme from a language (or group of languages); (2) preservation of the lexeme in derived words or paronyms with the original semantics still intact; (3) preservation of the lexeme with the original semantics still intact as a poetic or elevated word (i.e., the lexeme no longer belongs to the basic vocabulary); (4) change of the original semantics. The final scenario can be further subdivided into several types: (4.1) a relatively rare case when the lexeme is preserved as part of the basic vocabulary, but changes its meaning; (4.2) when the lexeme itself is lost, but the stem is preserved in various derived words; (4.3) when the lexeme undergoes semantic narrowing and thus is ousted to the semantic periphery; (4.4) when a new semanteme appears in a given language leading to a corresponding new opposition within the framework of parasynonymy; (4.5) when the lexeme is no longer preserved as part of the basic vocabulary, but the stem, with additional morphological derivation, remains. The research mostly focuses on the material of Indo-European languages, but the described methodology may be used in similar studies on other material.

Keywords: basic vocabulary; semantic shifts; lexical substitutions; semantic fields; linguistic reconstruction; morphological derivation.